

СУРОДЕЕВ Л. С., ЧЕБУРЕНКОВ А. А.

**К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Аннотация. Система санкций уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления коррупционной направленности, не предусматривает в качестве меры наказания конфискацию имущества осужденного. Данное положение не способствует эффективной борьбе с коррупцией, поэтому предлагается вернуть конфискацию имущества в число видов наказания и применять ее как меру экономической ответственности коррупционеров.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, конфискация имущества, санкция, уголовное наказание, система наказаний, должностное лицо, иные меры уголовно-правового характера.

SURODEEV L. S., CHEBURENKOV A. A.

ON CONFISCATION OF PROPERTY FOR CRIMES OF CORRUPTION

Abstract. The system of sanctions of criminal law that establishes responsibility for crimes of corruption does not provide for the confiscation of property of the convict as a punishment. This provision does not contribute to the effectiveness of fight against corruption. Therefore, it is proposed to return the confiscation of property to the types of punishment and apply it as a measure of economic responsibility of corrupt officials.

Keywords: crimes of corruption, confiscation of property, sanction, criminal punishment, punishment system, official, other criminal law measures.

В борьбе с преступлениями коррупционной направленности значительная роль принадлежит наказанию. Достижение целей, поставленных перед уголовным наказанием, которое назначается лицам, признанным виновными в совершении конкретных коррупционных преступлений, во многом зависит от того, каким образом строятся санкции в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) о данных преступлениях, какие виды наказаний они предусматривают, каковы верхние и нижние границы тех или иных санкций, обеспечиваются ли установленными санкциями необходимая степень дифференциации уголовной ответственности и т.д.

П.П. Осипов отмечал, что «при построении и применении уголовно-правовых санкций следует избегать односторонности и стремиться к диалектическому сочетанию внешне противоречивых (но внутренне согласованных...) требований, соблюдение которых, с одной стороны, ведет к утрате наказанием элементов жестокости, а с другой – препятствует

превращению его в сентиментально-либеральную меру, проникнутую духом абстрактного гуманизма и пекущуюся лишь об интересах лица, совершившего преступление» [9, с. 128].

Как показывает исторический опыт законодательного регулирования ответственности за преступления коррупционной направленности, в особенности, совершаемые должностными лицами, наказание за данные деяния на нормативном уровне всегда было суровым. За наиболее тяжкие должностные преступления (в частности, получение взятки) на протяжении значительного периода времени предусматривалось самое суровое наказание – смертная казнь (окончательно она была исключена из числа видов наказания, назначаемых за должностные преступления, в 1993 году, и новый УК РФ больше данную меру за получение взятки не предусматривал).

В своем большинстве санкции норм действующего уголовного законодательства способны создать необходимые условия для правоприменителя в адекватности уголовно-правовой оценки злоупотреблений должностных лиц и обеспечить назначение виновным в совершении данных деяний справедливого наказания. Однако отмечаются и определенные недостатки системного уровня, которые снижают эффективность борьбы с коррупционными преступлениями. Один из них заключается в отсутствии в анализируемых санкциях такой меры ответственности, как конфискация имущества.

Действующий УК РФ с 2003 г. не предусматривает за совершение каких-либо преступлений такого вида наказания, как конфискация имущества. Между тем, конфискация имущества по советскому уголовному законодательству рассматривалась как серьезная мера ответственности за совершение различных корыстных преступлений, в том числе за злоупотребления должностных лиц.

В самых первых законодательных актах, устанавливающих уголовную ответственность за должностные преступления, содержались указания на применение к виновным в качестве одной из мер наказания конфискации имущества (полной или частичной). Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» предусматривал конфискацию имущества за квалифицированные виды дачи и получения взятки. В соответствии с новым Декретом Совета Народных Комиссаров от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» конфискация имущества уже могла быть назначена и за простой состав получения взятки, а также за «посредничество в совершении означенного ... преступления, а равно укрывательство взяточников» [7, с. 228].

В качестве дополнительной меры наказания за совершение преступлений, связанных со взяточничеством, конфискация имущества сохранилась в УК РСФСР 1922 г. (ст. 114), УК РСФСР 1926 г. (ч. 2 ст. 117), УК РСФСР 1960 г. (ст.ст. 173, 174, 174¹).

В рассматриваемый период Советское государство исходило из того, что конфискация

имущества являлась важным средством обеспечения действенности уголовной репрессии за должностные преступления. На подобное отношение к конфискации ориентировалась и судебная практика. Так, Пленум Верховного Суда СССР неоднократно отмечал, что «суды обязаны неуклонно соблюдать требование закона о применении конфискации имущества в качестве дополнительной меры наказания за получение взятки и квалифицированное посредничество во взяточничестве» (постановление от 23 сентября 1977 г. №16 «О судебной практике по делам о взяточничестве»), указывал судам, что «неприменение ко взяточникам конфискации имущества, когда она по закону обязательна, – является грубым нарушением закона» (постановление от 7 декабря 1979 г. №10 «О практике применения судами законодательства об ответственности за взяточничество и ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. №16 «О судебной практике по делам о взяточничестве»») [11, с. 379-380].

Конфискация состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества осужденного. Применение данного вида наказания позволяет в определенном объеме восполнить причиненный преступлением материальный ущерб и существенно подрывает экономическую основу дальнейшей преступной деятельности (поскольку в конечном счете поставленная преступником цель – обогащение оказывается недостижимой), то есть имеет предупредительный эффект.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ [3] конфискация имущества как вид уголовного наказания была исключена из УК РФ. Этим же законодательным актом в санкциях статей Особенной части УК РФ, в которых предусматривалась конфискация имущества, она была заменена штрафом.

В литературе отмечается, что состоявшееся решение законодателя было обусловлено рядом причин. В их числе указывалось, например, что применение конфискации имущества как меры наказания было связано с серьезными последствиями (имущественными лишениями) не только для осужденного, но и для членов его семьи, которые могут быть и не в курсе его преступной деятельности, а это противоречит личному характеру наказания. Конфискация имущества – мера заведомо неравная, так как она могла быть применена только к имущим и была неприменима в отношении неимущих, что нарушало базовый правовой принцип равенства граждан. Конфискация способна создать серьезные проблемы в ресоциализации лица, отбывшего наказание, так как после отбытия длительного срока лишения свободы осужденный фактически должен был начать новую жизнь без имущества. В этой ситуации нельзя исключить, что отсутствие имущества будет для освобожденного из мест лишения свободы сильнейшим стимулом возобновления им своей корыстной преступной деятельности [12, с. 130-136; 13, с. 332-333].

Представляется, что перечисленные негативные характеристики конфискации имущества не должны были служить основанием для состоявшегося радикального решения. Другие оставшиеся в УК РФ виды наказания также могут повлечь не менее существенные последствия для осужденных. Так, отбывание осужденным наказания в виде лишения свободы даже без конфискации имущества существенным образом сказывается на материальном благополучии совместно проживающих с ним членов семьи, если доходы осужденного были основным источником средств для их существования. Или штраф, назначенный в виде крупной суммы, может оказаться для осужденного более разорительным, чем конфискация имущества. С другой стороны, даже при полной конфискации законом всегда предусматривалось оставление осужденному определенного объема имущества, не подлежащего изъятию. Кроме того, не вызываемая необходимостью степень репрессивности полной конфискации имущества, при которой изымается все принадлежащее осужденному имущество, может быть в соответствующих случаях уменьшена в ходе правоприменения судом, который вправе назначить частичную конфискацию имущества (изъятие его определенной части), в меньшей степени затрагивающую имущественные интересы семьи осужденного.

В качестве причины исключения конфискации имущества из системы наказаний нередко указывалась ее недостаточная эффективность, прежде всего, с позиции исполняемости данной меры наказания на практике. Изъятие по приговору суда имущества у осужденного сталкивалось с затруднениями в связи с тем, что не всегда можно было разграничить «собственность осужденного» и законные права на это же имущество со стороны иных лиц (супруга, родственников и т.д.), на которых это имущество нередко заранее оформлялось с целью вывести его из-под «конфискационного удара». Признавая справедливость такого рода оценок, не учитывалось то, что заявленная низкая эффективность конфискации имущества, скорее всего, была обусловлена недостатками правоприменительной практики, а не законодательного регулирования. В действительности же эффективность конфискации в период перед ее отменой, по оценкам специалистов, была все-таки выше, чем штрафа, которым она в итоге была заменена в санкциях статей Особенной части УК РФ. На этом основании можно согласиться с П.А. Скобликовым, утверждающим, что истинные причины исключения конфискации имущества из системы наказаний, предусмотренной УК РФ, вероятнее всего, лежат в политической сфере [10, с. 106-109].

В настоящее время российский уголовный закон допускает конфискацию имущества только в качестве иной меры уголовно-правового характера, ограничивая ее применение строго определенными случаями, указанными в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Относительно преступлений коррупционной направленности, конфискация имущества может быть

применена с целью изъятия денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения данных преступлений (пп. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ), а также с целью изъятия денег, ценностей и иного имущества, в которые ранее перечисленные предметы были частично или полностью превращены или преобразованы (пп. «б» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Имущество и иные материальные ценности, принадлежащие осужденному, происхождение которых не носит криминального характера, конфискованы быть не могут. Но даже в подобном «ограничительном» виде конфискация имущества, в силу прямого указания ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, распространяется только на пять случаев совершения коррупционных преступлений (ст.ст. 201¹, ч.ч. 5–8 ст. 204, 285, 285⁴, 290 УК РФ). Данный порядок существенно снижает карательный потенциал и эффективность конфискации в отношении коррупционеров, получивших незаконные вознаграждения и использовавших их в качестве источника формирования своего имущества. На этом основании в современной юридической литературе настойчиво предлагается вернуть конфискацию имущества в систему наказаний, закрепленную УК РФ, предусмотрев обязательное назначение конфискации имущества, в частности, в санкциях статей главы 30 УК РФ.

Так, по мнению Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина, конфискация имущества как мера наказания «будет являться той важнейшей составляющей всей системы противодействия коррупции, которая обеспечит неотвратимость имущественной ответственности коррупционеров» [4]. Соответственно, предлагается предусмотреть возможность конфискации имущества виновного не только в случаях, когда это имущество передается родственникам, бывшим супругам и т.д., и они знают о его преступном происхождении (как это предусмотрено действующим законодательством), а вне зависимости от осведомленности о действительном источнике его происхождения. Кроме этого, во избежание сокрытия имущества, подлежащего конфискации, предлагается расширить права следственных органов по наложению ареста на имущество коррупционеров, их банковские счета и т.д. [5, с. 7-8].

В пользу возвращения конфискации имущества в УК РФ является также и то обстоятельство, что ст.ст. 2 и 31 Конвенции ООН против коррупции 2003 года [2], а также ряд иных международно-правовых актов, устанавливающих антикоррупционные стандарты, признают за государствами право вводить меры по конфискации той части имущества лица, признанного виновным в совершении коррупционного преступления, в отношении которой данным лицом не доказан законный источник его происхождения.

Недопустимо считать одной из причин возвращения конфискации имущества в систему наказаний, как утверждают некоторые специалисты, нежелание и неспособность правоохранительных органов отделять имущество, нажитое преступным путем, от имущества,

нажитого по закону [6, с. 63].

Целесообразность применения конфискации имущества в качестве наказания к осужденным за коррупционные преступления в определенной степени прослеживается и с психологической точки зрения.

С.В. Максимов описывает поведение коррупционера моделью борьбы мотивов, иногда называемой «моделью весов» или моделью рискованного поведения [8, с. 89-92]. Ситуации, связанные с совершением коррупционного правонарушения, можно отнести к тем случаям, когда поведение человека в основе может рассматриваться как результат рационального выбора между возможными потерями и выгодами (И. Бентам, А. Фейербах). При этом оправданным будет обращение к математическим методам расчета так называемого риска при принятии решения, который описывается моделью со взаимосвязанными величинами размера угрожаемого наказания и необходимой частоты его применения.

Проведенные С.В. Максимовым расчеты показали, что злостный коррупционер, то есть чиновник, который всегда берет взятку, когда для этого есть возможность, будет в среднем иметь заметный выигрыш (в экономическом плане) от получения взятки, а наказание, как главный фактор рискованного поведения, останется для него фикцией.

Относительную «безопасность» коррупционного поведения косвенно подтверждают данные о небольшом числе лиц, реально привлеченных к ответственности за преступления коррупционной направленности, либерализм судей при назначении наказания чиновникам-коррупционерам и т.п.

Применение модели психологических весов в современных российских реалиях позволяет сделать вывод о том, что основными средствами борьбы с коррупцией должны стать снижение уровня доходности коррупционной деятельности и повышение интенсивности привлечения коррупционеров к юридической ответственности [8, с. 91].

При таком положении угроза применения конфискации имущества в качестве наказания за совершение коррупционного преступления для виновного может «склонить чашу весов» в сторону отказа от противоправного варианта поведения.

С учетом высокой степени общественной опасности преступлений коррупционной направленности карательный потенциал конфискации имущества, применяемой к лицам, совершившим указанные деяния, представляется вполне адекватным. Конфискация имущества, как вид наказания, воздействующий на сферу имущественных отношений осужденного, согласуется с корыстной мотивацией, лежащей в основе преступлений коррупционной направленности. В этой связи предложения о возвращении конфискации имущества в число видов наказания, назначаемых за преступления коррупционной направленности, заслуживают реализации как обеспечивающие необходимое при высоком

уровне коррупционной преступности усиление мер уголовно-правовой ответственности за данные деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 13 июня 1996 г. (по состоянию на 20 мая 2022 г.). – М.: Эксмо, 2022. – 288 с.
2. Конвенция ООН против коррупции (г. Мерида, 2003 г.). Принята 31 октября 2003 г. Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 8 марта 2006 г. №40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №12. – Ст.1231.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №50. – Ст. 4848.
4. Арест дома: интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина // Российская газета. – 2017. – 13 апреля.
5. Бастрыкин А. И. Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. – 2017. – № 24. – С. 6–10.
6. Гулый А. А. Нужно ли России возобновление института общей конфискации имущества? // Юрист. – 2006. – № 4. – С. 62–63.
7. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев, Б. С. Утевский. – М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. – 466 с.
8. Максимов С. В. Коррупция и новая антикоррупционная политика России. – М.: ЮрИнфоР, 2014. – 224 с.
9. Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. – 136 с.
10. Скобликов П. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. – 272 с.
11. Уголовный кодекс РСФСР (с постатейными материалами). – М.: Юрид. лит., 1987. – 464 с.
12. Цветинович А. Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 191 с.
13. Энциклопедия уголовного права. Том 12. Иные меры уголовно-правового характера / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб.: СПб ГКА, 2009. – 460 с.